

КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ В ПРАКТИКАХ КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВА: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ М. НОРТОНА¹

Валерия Валентиновна Василькова (v.vasilkova@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Василькова В.В. (2024) Когнитивные искажения в практиках кибермошенничества: эвристический потенциал теории М. Нортонa. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(4): 179–201.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.7> EDN: LEQQSA

Аннотация. Понятие когнитивных искажений, введенное в 1972 г. Д. Канеманом и А. Тверски, выявляющее причину ошибочных решений в экономическом поведении человека, стало одной из объяснительных моделей в описании практик современного кибермошенничества. Однако растущий масштаб и негативные последствия кибермошенничества актуализируют необходимость расширения интерпретаций этого феномена в контексте различных дисциплин, в первую очередь социологии, которая позволяет преодолеть узко индивидуальный подход, связывающий когнитивные искажения только с ментальными особенностями человеческого мышления и задать вектор анализа их социокультурной детерминации. В статье рассмотрены эвристические перспективы использования концептов когнитивной социологии (в частности, теории М. Нортонa) как интерпретационной модели для анализа когнитивных искажений в практиках кибермошенничества. Этот подход позволяет дать расширительную трактовку данного феномена как необходимого атрибута общего процесса социокультурного семиозиса, объяснить манипулятивную природу специфических семиотических контуров, определяющих выбор типа действия человека и активацию конкретных когнитивных искажений, понять, как те или иные когнитивные искажения влияют на такой выбор в ситуации кибермошенничества, показать сопряжения когнитивных механизмов и социокультурной среды в процессе формирования сетей смыслов в семиозисе кибермошенничества. Теоретические положения концепции Нортонa рассмотрены на конкретных примерах таких когнитивных искажений, как эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения.

Ключевые слова: когнитивные искажения, кибермошенничество, когнитивная социология, семиозис, эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Поведенческие стратегии потребителей финансовых услуг в условиях кибермошенничества: междисциплинарный анализ», № 23-28-00701.

Введение

Проблема кибермошенничества как разновидности киберпреступности признается одной из основных глобальных проблем развитых обществ. Практики современного кибермошенничества не только разнообразны, но и масштабны по своим последствиям — это и значительные финансовые потери, и значимые негативные явления в социальной жизни, связанные с виктимизацией целых групп населения, что порождает рост недоверия к различным общественным институтам. Безусловно, в борьбе с этим явлением принимается ряд существенных мер со стороны правоохранительных органов, банковских структур и т.д. Однако кибермошенники постоянно обновляют набор своих схем, способов воздействия, и часто опережают или обходят предпринимаемые меры. В связи с этим возникает необходимость обогащения исследовательского арсенала изучения данного феномена. Среди различных дисциплинарных подходов выделяется ракурс анализа когнитивных механизмов, «вживленных» в поведенческие практики кибермошенничества, основным из которых исследователи признают феномен когнитивных искажений.

Понятие «когнитивные искажения/когнитивные ошибки» было введено Д. Канеманом и А. Тверски в 1972 г. (Kahneman, Tversky 1972) и далее концептуализировалось в ряде работ (Kahneman, Slovic, Tversky 1982; Kahneman, Tversky 1984; Канеман 2016). Под когнитивными искажениями понимались неосознанные и систематические ошибки (или шаблонные отклонения) в мышлении, которые возникают, когда люди обрабатывают и интерпретируют информацию из своего окружения и влияют на их решения и суждения. Такие искажения связаны с дисфункциональными убеждениями и закреплены в определенных когнитивных схемах, которые воспроизводятся в схожих обстоятельствах. Эти предубеждения могут исказить восприятие реальности человеком, что приводит к неточной интерпретации информации и ошибочному принятию решений.

Данный подход основан на выделении двух систем мышления, которые обозначаются как «Система 1» (быстрое автоматическое мышление, основанное на чувствах и начальных впечатлениях), и «Система 2» (режим медленного мышления, основанного на самоконтроле, внимании, рассуждении, осмыслении и упорядочивании первоначальных впечатлений). «Однако, несмотря на то что Система 2 считает себя главной, но именно Система 1 порождает впечатления и чувства, которые являются главным источником сознательного выбора» (Канеман 2016: 17). При этом именно она часто становится причиной появления когнитивных искажений — быстрые и автоматические суждения могут оказаться ошибочными. Пре-

имущество функционирования Системы 1 связано с тем, что она «экономит время и энергию» при принятии простых решений. В основе таких решений лежит эвристика — особый способ обработки информации, предполагающий использование стандартизированных формул, ментальных ярлыков, упрощенных моделей (часто на основе недостаточной или неадекватной информации, поиск которой потребовал бы дополнительных когнитивных усилий)¹.

Применительно к практикам кибермошенничества когнитивные искажения трактуются как ментальное основание для неверного выбора линии экономического поведения в рамках Системы 1 из-за недостаточной информации или под воздействием аффективно-эмоциональных факторов (Hansen, Gerbasi, Todorov, Kruse, Pronin 2014; Кашапова, Рыжкова 2015; Williams, Beardmore, Joinson 2017; Sumner, Yuan 2019; Медяник 2023). В этой связи основным способом борьбы с кибермошенничеством предполагается система действий по переводу мышления человека в Систему 2, т.е. усиления рациональной компоненты мышления (Korteling, Gerritsma, Toet 2021)².

Однако, чтобы в полной мере оценить значимость концепта когнитивных искажений как объяснительного механизма различных явлений, необходимо, на наш взгляд, учитывать эволюцию самого этого концепта и перспективы его эвристического расширения. Дело в том, что если первоначально исследования когнитивных искажений развивалось преимущественно в рамках психологии и поведенческой экономики и были связаны с попытками типологизации и экспериментальной верификации их различных видов³ (см., например: MacCoun 1998; Nickerson 1998; Hasel-

¹ Отметим, что современные исследователи феномена когнитивных искажений объясняют их с позиций эволюционной нейробиологии. Нейроэволюционные рамки дают более глубокое объяснение когнитивных предубеждений как происходящих из неотъемлемых характеристик конструкции мозга как нейронной сети, которая существовала для выполнения основных физических, перцептивных и двигательных функций, способствовала выживанию наших предков и включала такие способы интуитивной обработки информации как быстрое распознавание образов, решение перцептивно-моторных задач, аллостаз и др. (Korteling, Toet 2022).

² В этом ключе, в частности, можно трактовать одну из вводимых современными банками мер — отсрочку денежных переводов крупных сумм («период охлаждения»), цель которой — вывести человека из состояния эмоционального стресса, в котором он оказался под влиянием психологической обработки со стороны мошенников, что позволит ему дополнительно обдумать целесообразность финансовой операции.

³ На данный момент в различных типологиях их насчитывается несколько десятков.

ton, Nettle, Andrews 2005; Shermer 2008; Pfister, Böhm 2008; Hilbert 2012; Oliver Thomas 2018; Korteling, Toet 2022), то в последние годы заметно вырос интерес к исследованию проявлений и последствий когнитивных искажений в различных социальных практиках — в реализации профессиональной деятельности (Попов, Вихман 2014; Беляева, Кунафина 2016; Kostopoulou, Porat, Corrigan, Mahmoud, Delaney 2017; Ludolp, Schulz 2018), в государственной политике и управленческой деятельности (Bazerman 2005; Bellé, Cantarelli, Belardinelli 2018), образовательном процессе (Poos, van den Bosch, Janssen 2017), создании новостной повестки и политической коммуникации (Pohl 2022; Beattie, Beattie 2023; French, Storey, Wallace 2023), в решении демографических и других глобальных проблем (Тобышева, Шубат 2023; Korteling, Paradies, Sassen-van Meer 2023) и т.д.

Данный тренд актуализирует процесс расширения интерпретаций этого феномена в контексте различных дисциплин, в том числе современной социологии. На наш взгляд, продуктивность социологического осмысления феномена когнитивных искажений заключается в том, что оно позволяет преодолеть узко индивидуальный подход, связывающий их воспроизводство только с ментальными особенностями человеческого мышления и задать вектор изучения социальной детерминации подобных паттернов обработки и восприятия информации, объяснить их повторяющуюся активацию в схожих ситуациях. В этом плане наиболее релевантным и перспективным нам представляется рассмотрение проблемы когнитивных искажений в социологическом ракурсе как одного из проявлений когнитивного поворота в социологии и развития когнитивной социологии.

В связи с этим можно сформулировать задачи данной статьи: 1) охарактеризовать проблему соотношения когнитивных и социальных аспектов в рамках когнитивного поворота в социологии; 2) интерпретировать феномен когнитивных искажений с позиций одной из теорий когнитивной социологии — теории М. Нортона, позволяющей расширить перспективу изучения данного феномена; 3) рассмотреть в данном контексте основные перспективы изучения проблемы когнитивных искажений в практиках кибермошенничества.

Концептуальные версии когнитивной социологии в рамках когнитивного поворота

Интерес к обсуждению когнитивного поворота в последние годы, безусловно, связан с достижениями и новациями в области нейробиологии, когнитивных и компьютерных наук, разработок искусственного интеллекта и т.д. Вместе с тем важно понимать, что метафора «поворота»

хотя и фиксирует определенный концептуальный тренд, однако вместе с тем обладает высокой степенью неопределенности в ответах на вопросы: в каких формах осуществляется трансформация? Что кроется за «поворотом»? К чему он в конечном счете приведет? Концептуальный поворот, как правило, порождает несколько траекторий обсуждения возможных трансформаций, что сопровождается дискуссиями и разногласиями.

В ответах на эти вопросы в литературе представлен широкий спектр мнений и подходов — от скептического отношения к когнитивному повороту до идеи создания отдельного направления «когнитивной социологии» и даже замены социологии новой когнитивной наукой о социальном поведении. Ситуация осложняется тем, что содержание когнитивного поворота трактуется по-разному: как внесение в социологические исследования культуры инструментария психологии (Али-заде 2021), а также недооцениваемых форм знания — символического, эмоционального, неявного (Девятко 2015); как пересмотр соотношения индивидуального и коллективного, понимание познавательных процессов как центральных для объяснения социального (Завьялова 2012); как локализация данной проблематики в рамках когнитивной социологии науки, которая учитывает значимую роль культурного контекста (Корниенко 2013); как обоснование когнитивной теории общества, основанной на принципе коммуникативного функционализма и компьютеризации (Михайлов 2021).

Различные взгляды на современные версии «эпистемического импорта» идей когнитивистики в социологическое знание представил в своей статье Д. Куракин (Kurakin 2020). В его обзор вошли работы и энтузиастов, и скептиков, и сторонников умеренного сценария когнитивного поворота, а также критиков «традиционного когнитивизма». При этом автор предлагает собственную перспективу развития когнитивного поворота в социологии на основе «эмерджентистского подхода» (Куракин 2018) и полагает, что такой поворот должен произойти не в форме замены существующих теорий новыми, но в форме корректировки, уточнения и встраивания в эти теории нового знания.

Несмотря на то что вопрос о завершенности когнитивного поворота и об институциональной оформленности когнитивной социологии еще не решен и она существует как совокупность концептуальных версий в рамках когнитивного поворота, тем не менее, на наш взгляд, можно выделить некое предметное ядро этого направления и те аспекты, которые являются релевантными для описания тематики, обозначенной в нашей статье.

В значительной степени траектория когнитивного поворота была задана в антропологических исследованиях. Первые работы этого направления фокусировались на исследовании имплицитных когнитивных

структур, свойственных различным культурам, которые определяют картину мира (включающую верования, ценности, традиции, ментальные типы) и регулируют социальное поведение. Но начиная с 1970–1980-х годов акцент сместился на анализ психических процессов, основанных на когнитивных механизмах. Новый импульс развития когнитивной антропологии придала теория схем как основных средств понимания психологических аспектов культуры. Схемы (schemes) представляют собой абстрактные сущности, бессознательно принимаемые отдельными людьми или группами людей. Это своего рода модели мира, которые организуют опыт и понимание, разделяемые членами группы или общества. Благодаря использованию схем культура может быть «помещена в сознание», а ее элементы становятся когнитивно-сформированными единицами — прототипами, признаками, предложениями и категориями (McGee, Warms 2008: 360–405). Обобщая опыт когнитивной антропологии, современные исследователи приходят к выводу, что главным ее достижением является то, что она раскрыла некоторые внутренние механизмы человеческого разума и понимание того, как люди упорядочивают и воспринимают мир вокруг себя, а ее современные вызовы связаны с попыткой понять организующие принципы, которые лежат в основе мотивации человеческого поведения.

Некоторые исследователи связывают истоки когнитивного поворота социологии с появлением проблем познания, понимания, объяснения в методологических подходах Э. Дюркгейма (Kurakin 2020), П. Сорокина, феноменологии и этнометодологии (Плотинский 2001). Неслучайно автор первой работы с концептуальным названием «Когнитивная социология» представитель этнометодологии А. Сикурел сфокусировал свое внимание на традиционных для этого исследовательского поля проблемах понимания обыденной речи, невербальных аспектах повседневного общения (Cicourel 1973). Автор более поздней версии когнитивной социологии Э. Зерубавель видел ее специфику в изучении социально обусловленных особенностей мышления и включал в зону ее интересов следующие направления: анализ социальных конвенций, причин возникновения сходства и различий в мышлении индивидов, изучение феномена избирательного восприятия информации, понимание социальной природы классификации как средства конструирования смыслов, а также структурирование социальной памяти (Zerubavel 1997).

Автор другой версии когнитивной социологии П. Димаджио видит ее перспективы не просто в «психологизации» социологии, а в продуктивном синтезе этих наук, позволяющем увидеть культуру «как взаимодействие общих когнитивных структур и надындивидуальных культурных фено-

менов» (DiMaggio 1997: 264). Категориальное и эвристическое обогащение социологии осуществляется в первую очередь за счет того, что этот синтез порождает более сложный и диверсифицированный взгляд на культуру.

При этом Димаджо особое внимание уделяет роли различных ментальных структур (схем, фреймов, категорий, ментальных моделей и др.), которые традиционно, казалось бы, находятся в фокусе психологических исследований, но чрезвычайно важны для социологического анализа, поскольку имеют культурное содержание и вскрывают механизмы, при помощи которых социальные акторы организуют поступающую к ним разрозненную информацию. Культурно детерминированные и доступные ментальные схемы, позволяющие упрощать восприятие информации, представляют особый интерес для социологов, поскольку выявляют «схематизирующую силу» социальных институтов. «Ментальные схемы» не только социокультурно обусловлены, так как разыгрывают широко распространенные сценарии, которые кажутся независимыми от индивидуального опыта, но и сам их отбор в индивидуальном поведении «направляется культурными сигналами, имеющимися в окружающей среде» (DiMaggio 1997:274), т.е. запускается и активируется внешними стимулами и фреймами.

При этом (что важно для нашего исследовательского фокуса), по мнению Димаджо, именно в когнитивной схематизации мы находим механизмы, с помощью которых культура не только формирует, но и искажает мышление. В первом случае институционализированные структуры и модели поведения (т.е. те, которые в высшей степени схематичны и широко распространены) воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, воспроизводятся в повседневных действиях и рассматриваются как легитимные. Во втором случае речь идет о значимости выбора когнитивных схем и фреймов в определенной эмоционально-аффективной ситуации: «аффективно горячие схемы» более заметны и имеют более обширные последствия, чем эмоционально-нейтральные структуры (DiMaggio 1997:279) (заметим, что данное замечание согласуется с трактовкой когнитивных искажений как эвристик Канемана и Тверски).

Современная когнитивная социология, по мнению финских исследователей (Kaidesoja, Нууруляйнен, Пуустинен 2022), развивается в рамках двух заданных базовых традиций: культурной, следующей за идеями Зерубавеля (акцентирует внимание на описании специфики когнитивных аспектов в различных культурных группах и социо-культурных контекстах) и междисциплинарной, продолжающей подход Димаджо (отдает приоритет изучению механизмов, посредством которых культурные процессы

«проникают в индивидуальные умы» и формируют микроосновы социального действия). Авторы сравнивают в данном контексте современные теории, представляющие обе эти традиции, и показывают, что каждая из этих традиций обладает различным объяснительным потенциалом и предлагает свой репертуар новых тем исследования для когнитивной социологии.

В контексте нашего рассмотрения наиболее значимым представляется исследовательская перспектива дуально-процессуального подхода, связанного с работами когнитивной культуросоциологии (С. Вейзи, Дж. Мартин, О. Лизардо, М. Стрэнд и др.)¹. Как отмечает в обзорно-аналитической статье Д.Д. Шариков (Шариков 2019), данный подход представляет собой новую версию решения ключевой для социологии проблемы связи культуры с действием, основанную на интеграции классической парсоновской «социализационной» модели (культура как мотиватор и результат интернализации культурных образцов) и «фрагментированной» модели (культура как «ящик с инструментами» для рационализации уже совершенного действия). При этом теоретико-методологическим основанием данного интеграционного по своему характеру подхода служат когнитивные модели о двух типах ментальных процессов, зафиксированных в работах по психологии (в том числе в работах Канемана и Тверски). Так, С. Вейзи (Vaisey 2009) выделяет два типа сознания — практическое, связанное с существованием бессознательных культурных схем, и дискурсивное, контролируемое рационально, связанное с обдумыванием и обоснованием. О. Лизардо (Lizardo 2017) предлагает свою версию дуально-процессуального подхода к культуре, разделяя публичную и персональную культуру (которая, в свою очередь, делится на декларативную и недеklarативную культуру, отличающиеся по скорости и характеру «включенности» различных когнитивных механизмов). Процесс интернализации, трактуемый Лизардо как совокупность различных программ кодирования информации, а также процесс использования этой информации индивидом сопряжены с активацией как декларативного, так и недеklarативного форматов знания, которые могут «пересекаться и накладываться друг на друга» (Lizardo 2017: 11).

Несмотря на то что дуально-процессуальный подход подвергается определенной критике и сталкивается с новыми вызовами в осмыслении когнитивных процессов (Шариков 2019: 194–199), он остается достаточно привлекательной и продуктивной версией когнитивной социологии, ини-

¹ В соответствии с рассмотренной ранее типологией этот подход относится к междисциплинарной традиции.

цирующей возникновение новых интерпретаций соотношения когнитивных и социокультурных процессов. Одной из таких интерпретаций является теория М. Нортон.

Интерпретация феномена когнитивных искажений в контексте теории М. Нортон

Развивая идеи таких представителей дуально-процессуального подхода, как С. Вейзи, Дж. Мартин, О. Лизардо, М. Стрэнд, М. Нортон предлагает свою версию когнитивной социологии, в которой сопрягаются когнитивные процессы и системные концепции культуры, или «когнитивные и средовые локации культуры»¹, в их динамическом соотношении через «циркуляцию смыслов в гетерогенной семиотической сети». Такое сопряжение рассматривается на основе механизмов обработки, хранения и восприятия информации. Специфика подхода Нортон является разработка «смыслоцентричной», семиотически фундированной процессуальной теории, интегрирующей индивидуальное познание и концепцию культуры как сложной интерсубъективной системы.

Двойственная диалектическая модель Нортон основана на идеях Ч. Пирса о динамическом характере знака. В соответствии с ней культура понимается как непрерывное движение семиозиса, постоянное формирование «смысловых контуров», которые создают рамки, совместимые как со сложностью культурных систем, так и с когнитивными ограничениями индивидуального человеческого сознания. Анализ круговорота смыслов внутри социокультурных систем позволяет, по мнению автора, проследить пути пересечения индивидов и окружающей среды, поскольку значение знаков выводится не из одной семиотической связи, а через трансляцию и взаимосвязь знаков и значений конкретными акторами в конкретной ситуации. «Индивидуальные умы являются своего рода узлами в гетерогенных смысловых контурах, которые и составляют культуру. Индивидуальные сознания акторов с их выбором и предпочтениями в определенных ситуациях делают сам процесс семиозиса возможным» (Norton 2018: 23). А сама культурная система предстает как «узорчатые ассоциативные связи», представляющие собой итог процессуальных траекторий (путей) между когнитивными и средовыми проявлениями семиотических значений от особенностей восприятия и познания (память, эмоции, сознательное обдумывание и бессознательные процессы) до действия, исполнения, материальности, взаимодействия и обратно.

¹ Нортон понимает культуру в самом широком смысле, являясь последователем сильной программы Дж. Александера, представленной в культуросоциологии.

При этом гетерогенные смысловые цепи, которые связывают людей и различные аспекты окружающей социокультурной среды, включают в себя принципиально иные системы хранения и обработки информации, чем те, которыми обладает индивидуальный разум. Эти системы обладают разными свойствами и возможностями для дальнейших процессов смыслообразования. Когнитивные механизмы отдельных акторов (включающие эмоции, настроения, ментальные схемы, привычки, кратковременную и долговременную память) — это «места сосредоточения культуры в разуме» (Norton 2018:17). Они интегрируют культуру в автоматические мыслительные процедуры, формируя траекторию семиотического контура как посредством выбора определенных аспектов социальной ситуации (которые являются для человека семиотически значимыми), так и посредством активации определенных семиотических контуров, которые были продуктивны в схожих ситуациях (долговременная память).

Информационные свойства социокультурной среды обусловлены иной (по сравнению с когнитивными механизмами) онтологией, обладающей интересубъективностью. Социокультурная среда по Нортону — это семиотически связующее звено, в котором результаты когнитивной обработки семиотических значений «потенциально многими людьми» преобразуются в формы, которые могут быть пережиты другими и где они могут быть объединены в более сложные интересубъективные смысловые цепи. Благодаря механизму перевода когнитивной обработки в интересубъективно доступные формы в социальной среде становится возможной одновременная и параллельная обработка людьми, чьи интерпретации скоординированы для решения сложных интересубъективных интерпретативных задач. «Мы способны формировать наше окружение почти бесконечным множеством способов, оставляя следы, которые переживаются нами и другими людьми как знаки, и поэтому могут быть включены в дальнейшие семиотические контуры и новые комбинации, которые они влекут за собой» (Norton 2018: 18). Мы окружены социальной средой, состоящей из следов более ранних семиотических контуров (созданных преднамеренно и непреднамеренно, бессознательно и сознательно), которые порождают определенные требования и предрасположенность к формированию дальнейших семиотических цепей (что наиболее зримо представлено в институционально оформленных семиотических контурах).

Особое значение в процессе трансляции из окружающей среды в сознание Нортон придает категории опыта, который является результатом (и средством) нашей адаптивной способности воспринимать те реальные характеристики окружающей среды, которые важны для жизни человека. Автор возражает против традиционного двухэтапного понимания соци-

ального опыта (сначала мы переживаем мир, потом делаем его осмысленным¹) и предлагает семиотическую трактовку опыта. С этой точки зрения опыт — это не переживание действительности, которому мы придаем смысл, а непосредственное схватывание смысла, т.е. целостная интерпретация, и поэтому он является основным механизмом перевода знаков из окружающей среды в сознание, формой «онтологического соучастия человека с окружающей средой» (Norton 2018: 20). При этом автор вводит понятие семиотического автоматизма, утверждая, что наше эмпирическое схватывание даже сложных семиотических значений в большинстве случаев происходит автоматически, бессознательно, «неизбежно, как дыхание» и не требует сложных ментальных (сознательных) усилий для расшифровки семиотического опыта. Индивидуальная интерпретация осуществляется как перевод семиотического опыта в новую систему ассоциаций.

Способом перевода индивидуальных знаков из человеческого сознания в окружающую среду является действие (еще одна из базовых категорий социологии), трактовка которого тоже обретает семиотическое значение. При осуществлении действия мы переводим знаки в социокультурную среду, которая 1) уже семантически структурирована и 2) семиотически разнообразна. Существующие в ней семиотические контуры либо могут предложить наилучшие возможности для осуществления дальнейшего совместного семиозиса, либо «насилно потребовать» выбрать определенные его варианты, либо кардинально ограничить этот выбор в данных обстоятельствах. Таким образом, автор возвращается к исходной идее о том, что «семиотический характер среды играет ключевую роль в мотивации действия, побуждая к действию через его значения, а также формируя контекст и возможности того, какие действия могут быть приняты и с каким смыслом» (Norton 2018: 22).

Несмотря на то что ряд концептуальных разработок Нортон требует дополнительных уточнений (например, не совсем понятно, как коррелируют понятия «социокультурная система», «семиотический контур», «фрейм» или каким образом происходит переключение выбора актором различных семиотических контуров), тем не менее его подход, на наш взгляд, открывает новое пространство для осмысления и обсуждения социокультурных детерминант когнитивных процессов, в том числе феномена когнитивных искажений. (Хотя для самого М. Нортон когнитивные искажения не являлись предметом рассмотрения.)

Интерпретация феномена когнитивных искажений в данном контексте может внести в их понимание ряд существенных дополнений и кон-

¹ Именно из такой методологической версии исходят Канеман и Тверски.

цептуальных расширений по сравнению с традиционной трактовкой Канемана. Хотя обе трактовки базируются на анализе информационной природы когнитивных искажений, однако более ранняя версия Канемана фокусируется на роли рациональных компонентов в обработке и восприятии информации (что фундируется идеями рационалистической парадигмы, актуальными в 1970–1980-х гг.), а теория Нортон позволяет расширить понимание когнитивных искажений за счет их семиотического наполнения, т.е. содержания информационных процессов. Выделим здесь несколько важных позиций.

Благодаря социологическому ракурсу анализа теория Нортон позволяет не ограничивать феномен когнитивных искажений лишь особенностями индивидуального сознания. Выбор того или иного типа поведения (в том числе экономического) фундирован корреляцией с определенным семантическим контуром, т.е. социокультурно предзадан или поддержан. Это касается в первую очередь наиболее устойчивых и институционально «проработанных» семиотических контуров (заданных определенными социальными институтами).

Следствием данной оптики рассмотрения является также перспектива выявления манипулятивных социокультурных механизмов, активирующих определенные когнитивные искажения. В недрах наиболее влиятельных (с точки зрения семантической репрезентации) социальных структур могут быть разработаны и навязаны индивидуально актору (тем или иным способом) такие семантические контуры, которые стимулируют выбор действий актора, соответствующий определенному когнитивному искажению.

Идея Нортон о семиотическом автоматизме социального опыта (как необходимого имманентного способа трансляции знака из сознания в окружающую среду) позволяет, на наш взгляд, рассматривать бессознательные когнитивные механизмы восприятия не как отклонение от нормы («ошибки», «искажения»), но как обязательный атрибут, как неустрашимый элемент, вписанный в саму архитектуру социокультурного семиозиса.

И наконец, подход Нортон позволяет принципиально расширить понимание способов и путей борьбы с когнитивными искажениями: она не может быть сведена просто к повышению уровня рациональной компоненты. Речь должна идти о своего рода «семиотической стратегии» — побуждению актора к социокультурной ментальной активности — расширению амплитуды ознакомления с разнообразными семиотическими контурами, что позволит ему сделать наиболее релевантный для данной ситуации выбор действия.

Семиозис кибермошенничества: новые подходы к рассмотрению когнитивных искажений

Прежде всего рассмотренный нами подход позволяет значительно расширить трактовку самого феномена кибермошенничества. В настоящее время кибермошенничество в правоприменительной практике трактуется с позиций экономического ущерба, а именно как разновидность мошенничества («хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием»), инструментально связанного с использованием интернет-технологий¹. Аналогичное понимание представлено и в литературе по виктимологии (Bogwell, Jansen, Stol 2021). Семиотически центрированная модель Хортоня ориентирует исследователя на понимание кибермошенничества как системы динамичных отношений смыслопорождения и смыслоизвлечения, что позволяет масштабировать рассмотрение проблемы от уровня индивидуально-психологической манипуляции до социального уровня создания семиотических инструментов социального влияния и контроля.

Сам феномен кибермошенничества можно рассматривать как один из результатов возникновения особого рода семиозиса цифровой среды, в которой каждый индивид оставляет свой специфический цифровой след — особый семиотический контур «второго уровня», включающий персональные данные, финансовые транзакции, данные смартфонов, аккаунты в социальных сетях, поисковые запросы, данные геолокации, учетные записи в личных кабинетах, психографические профили и т.д.

Благодаря развитию технологий Big Data все эти семиотические контуры могут отчуждаться и присваиваться, в том числе мошенническими структурами². При этом мошенники используют ложную мотивацию побуждения к действию, рационализируя факт передачи данных аргументом о пользе (выгоде) самого индивида, активируя определенные когнитивные искажения. (Не случайно одним из наиболее распространенных и эффективных способов кибермошенничества стал прием о помощи спецслужбам, якобы разоблачившим мошеннические действия со счетами потерпевших.)

Суммируя обозначенные нами характеристики, мы можем обозначить кибермошенничество в заданном нами ракурсе рассмотрения как нане-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В этом плане большие риски и угрозы расширения манипулятивных практик, на наш взгляд, несет в себе перспектива массового введения биометрических данных, что значительно усиливает индексную (по Пирсу) компоненту семиотического контура цифрового следа.

сение экономического ущерба путем злонамеренного присвоения данных цифрового следа жертвы с использованием семиотических инструментов социального влияния и манипулирования.

Также рассмотрение кибермошенничества в контексте семиоцентричной модели Нортонa позволяет дать нетривиальное объяснение факту неустрашимости мошенничества и слабой эффективности принимаемых мер (ужесточение наказаний в правовой сфере, контроль банков за финансовыми операциями, просветительские мероприятия и т.д.). С позиций развертывания семиозиса каждый удачный акт осуществления мошенничества (предполагающий соответственный поведенческий выбор поведения актора) оставляет свой «семиотический след» и укрепляет семиотический контур мошеннической схемы. Действия акторов как «узлов в гетерогенных смысловых контурах» делает их соучастниками, включенными элементами разворачивающегося семиозиса. Не случайно наибольшую сложность в идентификации мошеннических преступлений представляет сам факт непосредственного участия самой жертвы в преступлении, когда она добровольно предоставляет свои финансовые средства или персональные данные мошенникам, соглашается на их сомнительные предложения.

В литературе по экономическому поведению исследователи связывают успешность мошеннических действий с целым рядом когнитивных искажений¹ (гиперболическое дисконтирование, эффект потери, эффект доверия, эффект авторитета, эффект обещаний, эффект предвзятости подтверждения, эффект дефицита, эффект подталкивания и др.).

Среди наиболее распространенных в этой сфере называются такие, как эффект авторитета, эффект доверия, эффект предвзятости подтверждения (Медяник 2023: 15–19), на которых и будет сосредоточен фокус нашего рассмотрения. Эффект авторитета — психологический эффект, когда люди склонны доверять мнению или рекомендации авторитетных людей без достаточной проверки информации. Эффект доверия — психологический эффект, когда люди больше доверяют другим людям, даже если информация не является достоверной. Эффект предвзятости подтверждения — психологический эффект, при котором человек ищет и интерпретирует информацию таким образом, чтобы она подтверждала уже существующие у него убеждения и сложившиеся стереотипы, игнорируя при этом опровергающие доказательства (Медяник 2023: 10–11).

¹ Существует целый ряд развернутых классификаций когнитивных искажений (о чем мы писали ранее), при этом их формулировки и трактовки не всегда совпадают. Мы будем использовать классификацию искажений в сфере кибермошенничества О.В. Медяник (Медяник 2023).

Эффект авторитета, на наш взгляд, позволяет понять, каким образом формируется убедительный семиотический контур в социокультурной среде, который имеет манипулятивную природу и побуждает актора активировать данные когнитивные искажения, осуществлять выбор, выгодный мошенникам. Современные мошенники используют широкий арсенал средств, за которыми стоит один общий алгоритм конструирования институционально легитимного семиотического контура. Они обращаются к жертвам от имени сотрудников банков, спецслужб, правоохранительных органов, социальных служб, медицинских учреждений, федеральной таможенной службы, международных организаций (МВФ, ООН) и т.д. Во всех этих случаях авторитет мошенника задан принадлежностью к смысловому контуру определенного социального института.

Для достоверности ложного конструкта используются различные семиотические репрезентации. В первую очередь это соответственные лингвистические конструкты: институционально закрепленная профессиональная лексика, особый типизированный социолект, копирование базовых дискурсивных паттернов (обращение, аргументация, формат подписи и т.д.). В качестве визуальных приемов выступают в первую очередь создание фишинговых сайтов (сайты госуслуг, банков, федеральной службы судебных приставов, районных судов, интернет-магазинов и т.д.), а также подделка официальных бланков соответствующих организаций. Созданный таким образом семиотический контур авторитетной, социально значимой организации (структуры, фирмы и т.д.) не должен вызывать сомнений в легитимации мошенников и поэтому в режиме «семиотического автоматизма» стимулирует активацию выбора и действия индивида на основе такого когнитивного искажения как эффект авторитета.

В данном контексте может быть по-новому интерпретирована проблема особой уязвимости старшего поколения перед кибермошенниками. Этот феномен связан в первую очередь с тем, что представители этой возрастной группы имеют более длительный опыт доверия институционально оформленным семиотическим контурам (просто в силу более частого взаимодействия с ними) и при этом более ограниченный доступ к новым семиотическим контурам, сформированным современным цифровым обществом (речь идет не столько о компьютерной и информационной грамотности, сколько о разветвленных культурных формах цифрового взаимодействия). Еще одним ограничением в этом плане является уменьшение социальных контактов, связанных с возрастом и отходом от профессиональной деятельности. Сокращение таких контактов порождает ограничения разнообразия и масштабов семиотических контуров совре-

менной социокультурной среды, которые могут предложить актору альтернативные выборы социального действия.

Другой пример аналогичного семиозиса связан с эффектом доверия. Он, как правило, подкрепляет эффект авторитета (хотя и не ограничивается этим), подключая семиотические обозначения положительного подкрепления подобного опыта у других людей. Так, на различных фишинговых сайтах создаются многочисленные фальшивые положительные отзывы от якобы довольных клиентов, сертификаты качества или дипломы о квалификации. Сами мошенники нередко представляются такими довольными клиентами, уже получившими ранее подобную услугу, выступая в качестве эффективных рекомендателей. Таким образом, мошенническая схема подается как паттерн достоверной, проверенной, опробованной другими людьми информации.

Еще одним способом активирования эффекта доверия является прием, получивший название «Иван Иванович». Мошенники обращаются к человеку от имени хорошо им знакомого лица (используя электронную почту, смс-сообщения, аудиальные и даже визуальные дипфейки), информация от которого не вызывает желания ее дополнительной проверки. Такими лицами могут выступать друзья, родственники, коллеги по работе, руководители, сотрудники смежных отделов банка и др. Суть обращения — просьба ответить на все вопросы, которые задаст им в ближайшее время некий условно «Иван Иванович» (как правило, сотрудник специальных служб, правоохранительных органов, различных федеральных ведомств и т.д.), включая вопросы о персональных данных и финансовом положении человека.

С феноменом семиотического автоматизма коррелирует когнитивный эффект предвзятости подтверждения. На основе этого алгоритма жертва мошенничества автоматически выбирает предлагаемое ей действие (путь получения желаемого), которое кажется хорошо знакомым, рутинным, привычным, и поэтому человек уверен в своей осведомленности, компетентности, грамотности. Данные виды мошенничества связаны с продажами и предложениями от интернет-магазинов, интернет-сервисов, сетей ресторанов быстрого питания, турфирм, касс продажи билетов (театральных, железнодорожных, автобусных и т.д.), лотерей, сайтов знакомств и т.д.

При этом эффекты предвзятости подтверждения и доверия связаны с важнейшим механизмом обеспечения интересубъективности социокультурной среды, закрепляя в рутинных, непрестанно повторяющихся «семиотических следах» скоординированных с другими людьми действий складывающиеся «смысловые цепи» семиозиса, включающие деструктивные паттерны социокультурного взаимодействия.

Таким образом, практики кибермошенничества активируют когнитивные искажения жертв, используя социокультурные смысловые паттерны как для мотивации, так и для рационализации действия индивида, реализуя принцип «культуры в действии», который соответствует парадигме рассмотренной нами версии когнитивной социологии.

Заключение

Использование теоретических концептов, сложившихся в рамках когнитивного поворота в социологии, позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие когнитивных и социокультурных аспектов социальной динамики и создать новые объяснительные модели для анализа тех феноменов, которые прежде находились за пределами социологического знания. Одним из таких феноменов является реализация когнитивных искажений в различных сферах человеческой деятельности. В частности, предлагаемая нами интерпретация когнитивных искажений в практиках кибермошенничества в контексте одной из теорий когнитивной социологии — теории М. Нортон — вносит новые акценты в понимание этой проблемы: позволяет выйти за пределы узко индивидуальной трактовки когнитивных искажений, представив их как необходимый атрибут общего процесса социокультурного семиозиса; объяснить манипулятивную природу социальных семиотических контуров (в том числе семиотических контуров цифрового следа), определяющих выбор определенного типа действия индивида; показать, как те или иные когнитивные искажения влияют на такой выбор в ситуации кибермошенничества и воспроизводят повторяющиеся интересобъективные «смысловые цепи».

Ограничения исследования связаны в первую очередь с тем, что нами заданы лишь начальные (рамочные) эвристические контуры нового взгляда на феномен когнитивных искажений в практиках кибермошенничества. Предложенная интерпретационная схема, безусловно, требует дальнейшей проработки и развития как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. В плане теории остается открытым целый ряд вопросов, например чем обусловлена особая «чувствительность» актора к определенным семиотическим контурам? Каковы когнитивные и социокультурные механизмы переключения выбора того или иного семиотического контура? Какие из возможных когнитивных искажений активируются на определенных этапах социокультурного семиозиса? Каково соотношение рациональных и нерациональных компонентов семиотического опыта? В эмпирических исследованиях тема когнитивных искажений в практиках мошенничества, как уже отмечалось, представлена лишь небольшим количеством работ (прежде всего в силу онтологической новизны этой

практики). Поэтому перспектива таких исследований, на наш взгляд, будет связана с анализом эмпирических верификаций таких форм когнитивных искажений, а также с изучением более полного арсенала когнитивных искажений применительно к различным этапам и зонам ландшафта семиозиса кибермошенничества.

Литература / References

Али-заде А.А. (2021) Когнитивный поворот в обществе и социально-гуманитарных науках. (Обзор). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение*, 1: 54–71. <https://doi.org/10.31249/naukoved/2021.01.01>.

Ali-zade A.A. (2021) The Cognitive Turn in Society and Social Sciences and Humanities. (Review). *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8: Naukovedeniye* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 8: Science Studies], 1: 54–71. <https://doi.org/10.31249/naukoved/2021.01.01> (in Russian).

Беляева Е.Р., Кунафина Г.А. (2016) Роль когнитивных искажений в общении индивида к социально-культурной деятельности. *Современные проблемы науки и образования*, 3 [<https://science-education.ru/ru/article/view?id=24502>] (дата обращения: 03.07.2024).

Belyayeva Ye.R., Kunaфина G.A. (2016) The role of cognitive distortions in the individual's involvement in socio-cultural activities. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 3 [<https://science-education.ru/ru/article/view?id=24502>] (accessed: 03.07.2024) (in Russian).

Девятко И.Ф. (2015) Социальное знание и социальная теория: от социологии знания к когнитивной социологии. *Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция: 13–40.

Devyatko I.F. (2015) Social knowledge and social theory: from the sociology of knowledge to cognitive sociology. In: *Everyday and scientific knowledge about society: mutual influences and reconfigurations*. Moscow: Progress-Traditsiya: 13–40 (in Russian).

Завьялова М.П. (2012) Когнитивный «поворот» в науке и философии. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 2(18): 5–12.

Zavyalova M.P. (2012) Cognitive “turn” in science and philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2(18): 5–12 (in Russian).

Канеман Д. (2016) *Думай медленно... решай быстро*. М.: АСТ.

Kahneman D. (2016) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST (in Russian).

Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. (2015) Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*, 2(30): 15–26.

Kashapova E.R., Ryzhkova M.V. (2015) Cognitive distortions and their impact on individual behavior. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economics], 2(30): 15–26 (in Russian).

Корниенко А.А. (2013) Эволюция парадигмы когнитивной социологии науки в западной философии науки. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 3(11): 74–79.

Korniienko A.A. (2013) Evolution of the paradigm of cognitive sociology of science in Western philosophy of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History], 3(11): 74–79 (in Russian).

Куракин Д. (2018) Предисловие к русскому переводу «Элементарных форм религиозной жизни». Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы: 15–48.

Kurakin D. (2018) Preface to the Russian translation of “Elementary Forms of Religious Life”. In: Durkheim E. *Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia*. Moscow: Elementary Forms: 15–48 (in Russian).

Медяник О.В. (2023) Исследование когнитивных искажений в цифровой экономике и праве. *Юридическая мысль*, 3(131): 33–71.

Medyanik O.V. (2023) Research of cognitive distortions in digital economy and law. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought], 3(131): 33–71 (in Russian).

Михайлов И.Ф. (2021) *Когнитивные основания социальности*: Дис. ... д-р филос. н. Москва.

Mikhaylov I.F. (2021) *Cognitive foundations of sociality*. Dissert na soisk. uchenoy. stepen. d.filos.n. [Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy]. Moscow (in Russian).

Плотинский Ю.М. (2001) *Модели социальных процессов*. 2-е изд. М.: Логос.

Plotinskiy Y.M. (2001) *Models of social processes*. 2nd ed. Moscow: Logos (in Russian).

Попов Ю.А., Вихман А.А. (2014) Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология. *Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология*, 7(1): 5–16.

Popov Y.A., Vikhman A.A. Cognitive distortions in the decision-making process: a scientific problem and humanitarian technology. *Vestnik YUUrGU. Seriya Psihologiya* [Bulletin of SUSU. Series Psychology], 7(1): 5–16 (in Russian).

Тобышева А.А., Шубат О.М. (2023) Теоретические подходы к анализу когнитивных искажений как фактора корпоративной демографической политики. *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам*. Екатеринбург: 722–732.

Tobysheva A.A., Shubat O.M. (2023) Theoretical approaches to the analysis of cognitive distortions as a factor in corporate demographic policy. In: *Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges*. Ekaterinburg: 722–732 (in Russian).

Шариков Д.Д. (2019) Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(3): 179–210. <https://doi.org/10.31119/jssa>.

Sharikov D. (2019) The new sociology of culture: from toolkits to cognitive processes. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(3): 179–210. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.8> (in Russian).

Beattie P., Beattie M. (2023) Political polarization: a curse of knowledge? *Frontiers in psychology*, 14: 1200627. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1200627>.

Bazerman M. (2005) *Judgment in Managerial Decision Making*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

Bellé N., Cantarell P., Belardinelli P. (2018) Prospect theory goes public: experimental evidence on cognitive biases in public policy and management decisions. *Public Administration Review*, 78: 828–840. <https://doi.org/10.1111/puar.12960>.

Borwell J., Jansen J., Stol W. (2021) Comparing the victimization impact of cybercrime and traditional crime: Literature review and future research directions. *Journal of Digital Social Research*, 3(3): 85–110. <https://doi.org/10.33621/jdsr.v3i3.66>.

Cicourel A.V. (1973) *Cognitive Sociology*. London: Pinguin Education.

DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. *Annual sociological review*, 23: 263–287.

French A., Storey V., Wallace L. (2023) The impact of cognitive biases on the believability of fake news. *European Journal of Information Systems*, 1 Nov. <https://doi.org/10.1080/0960085X.2023.2272608>.

Hansen K., Gerbasi M., Todorov A., Kruse E., Pronin E. (2014) People claim objectivity after knowingly using biased strategies. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 40: 691–699. <https://doi.org/10.1177/0146167214523476>.

Haselton M.G., Nettle D., Andrews P.W. (2005) The evolution of cognitive bias. In: Buss D.M. (ed.) *The Handbook of Evolutionary Psychology*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc.: 724–746.

Hilbert M. (2012) Toward a synthesis of cognitive biases: how noisy information processing can bias human decision making. *Psychological Bulletin*, 138(2): 211–37. <https://doi.org/10.1037/a0025940>. PMID 22122235.

Kahneman D., Tversky A. (1972) Subjective probability: A judgment of representativeness. *Cognitive Psychology*, 3(3): 430–454. [https://doi.org/10.1016/0010-0285\(72\)90016-3](https://doi.org/10.1016/0010-0285(72)90016-3).

Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.) (1982) *Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases*. New York: Cambridge University Press.

Kahneman D., Tversky A. (1984) Choices, values, and frames. *American Psychologist*, 39(4): 341–350. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.39.4.341>.

Kaidesoja T., Hyryläinen M., Puustinen R. (2022) Two traditions of cognitive sociology: An analysis and assessment of their cognitive and methodological assumptions. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 52: 528–547. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12341>.

Korteling J. E., Gerritsma J., Toet A. (2021) Retention and transfer of cognitive bias mitigation interventions: a systematic literature study. *Frontiers in psychology*, 12: 629354. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.629354>, PMID.

Korteling J.E., Paradies G.L., Sassen-van Meer J.P. (2023) Cognitive bias and how to improve sustainable decision making. *Frontiers in psychology*, 14: 1129835. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1129835>.

Korteling J., Toet A. (2022) Cognitive biases. In: Della Sala S. (ed.) *Encyclopedia of Behavioural Neuroscience*. 2nd ed.: 610–619.

Kostopoulou O., Porat T., Corrigan D., Mahmoud S., Delaney B. (2017) Diagnostic accuracy of GPs when using an early-intervention decision support system: a high-fidelity simulation. *The British journal of general practice*, 67 (656), e201–e208. <https://doi.org/10.3399/bjgp16X688417>.

Lizardo O. (2017) Improving cultural analysis: Considering personal culture in its declarative and nondeclarative modes. *American Sociological Review*, 82(1): 88–115. <https://doi.org/10.1177/0003122416675175>.

Ludolph R., Schulz P. (2018) Debiasing health-related judgments and decision making: a systematic review. *Medical decision making*, 38(3): 3–13. <https://doi.org/10.1177/0272989X17716672>.

MacCoun R.J. (1998) Biases in the interpretation and use of research results. *Annual Review of Psychology*, 49(1): 259–287. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.49.1.259>. PMID 15012470.

McGee R.J., Warms R.L. (eds.) (2008) *Anthropological theory: an introductory history*. 4th ed. New York: McGraw-Hill Education.

Nickerson R. (1998) Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*, 2(2): 175–220. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>

Norton M. (2018) Meaning on the Move: Synthesizing Cognitive and Systems Concepts of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*, 7: 1–28. <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0055-5>.

Pfister H.-R., Böhm G. (2008) The multiplicity of emotions: A framework of emotional functions in decision making. *Judgment and Decision Making*, 3(1): 5–17. <https://doi.org/10.1017/S1930297500000127>.

Pohl R. (ed.) (2022) *Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Thinking, Judgment, and Memory*. 3rd ed. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group.

Poos J. M., van den Bosch K., Janssen C. P. (2017) Battling bias: Effects of training and training context. *Computers & Education*, 111(4): 101–113. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2017.04.004>.

Shermer M. (2008) *The Mind of the Market — Compassionate Apes, Competitive Humans, and Other Tales From Evolutionary Economics*. New York: Times Books; Henry Holt and Company.

Sumner A., Yuan X. (2019) Mitigating Phishing Attacks: An Overview. ACM SE '19: *Proceedings of the 2019 ACM Southeast Conference*: 72–77. <https://doi.org/10.1145/3299815.3314437>.

Thomas O. (2018) Two decades of cognitive bias research in entrepreneurship: What do we know and where do we go from here? *Management Review Quarterly*, 68(2):107–143. <https://doi.org/10.1007/s11301-018-0135-9>.

Vaisey S. (2009) Motivation and justification: A dual-process model of culture in action. *American journal of sociology*, 114(6): 1675–1715. <https://doi.org/10.1086/597179>.

Williams E.J., Beardmore A., Joinson A.N. (2017) Individual differences in susceptibility to online influence: a theoretical review. *Computers in Human Behavior*, 72: 412–421. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.03.002>.

Zerubavel E. (1997) *Social Mindscapes: An Invitation to Cognitive Sociology*. Cambridge: Harvard University Press.

THE PROBLEM OF COGNITIVE BIASES IN CYBER FRAUD PRACTICES: PROSPECTS FOR SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Valerya V. Vasilkova (v.vasilkova@spbu.ru)

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Citation: Vasilkova V.V. (2024) Cognitive biases in cyber fraud practices: the heuristic potential of M. Norton's theory. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 27(4): 179–201 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.4.7> EDN: LEQQSA

Abstract. The concept of cognitive biases, introduced in 1972 by D. Kahneman and A. Tversky and identifying the cause of erroneous decisions in human economic behavior, has become one of the explanatory models in describing the practices of modern cyber fraud. However, the growing scale and negative consequences of cyber fraud actualize the need to expand the interpretations of this phenomenon in the context of various disciplines, primarily sociology, which allows us to overcome the narrowly individual approach that links cognitive distortions only with the mental characteristics of human thinking and to set the vector of analysis of their socio-cultural determination. The article examines the heuristic prospects of using the concepts of cognitive sociology (in particular, M. Norton's theory) as an interpretative model for the analysis of cognitive distortions in cyber fraud practices. This approach allows us to give a broad interpretation of this phenomenon as a necessary attribute of the general process of socio-cultural semiosis, to explain the manipulative nature of specific semiotic contours that determine the choice of a certain type of human action and the activation of specific cognitive distortions, to understand how certain cognitive distortions influence such a choice in a situation of cyber fraud, to show the conjugation of cognitive mechanisms and the socio-cultural environment in the process of forming networks of meanings in the “semiosis of cyber fraud”. The theoretical provisions of Norton's concept are examined

using specific examples of such cognitive distortions as the authority effect, the trust effect, and the confirmation bias.

Keywords: cognitive biases, cyber fraud, cognitive sociology, semiosis, authority bias, trust effect, confirmation bias.

Acknowledgments

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00701, “Behavioral strategies of consumers of financial services in the context of cyberfraud: an interdisciplinary analysis”.